

ДИНА СТАНИШЕВА и ЕКАТЕРИНА ДОГРАМАДЖИЕВА (София)

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В ДРЕВНЕБОЛГАРСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ

0.0. На уровне модального построения языка в рамках обстоятельно описанных М. Греплем четырех наиболее общих видов передачи модального отношения говорящего к выражаемой действительности (статуса сообщения, вопроса, приказания или пожелания)¹ могут быть раскрыты способы эмоциональной актуализации высказывания, которые позволяют выразить оценку говорящим сообщаемых фактов: актуализация через интонацию; актуализация через изменение глагольного наклонения; актуализация путем использования лексических средств.²

В арсенале именно лексических средств выделяются средства эмоциональной актуализации высказывания, которые не только служат для говорящего способом выражения эмоционального отношения к сказанному, но и исполняют функцию воздействия говорящего на адресата. Тем самым определяется особый аспект их изучения — с точки зрения познания средств выражения эмоциональных импульсов, предназначенных адресату (получателю) в акте коммуникации. В языках, представленных только письменными формами (какими являются древнерусский и древнеболгарский), устные формы которых не зафиксированы документально, изучение средств эмоциональной актуализации этого типа представляет особый интерес. Хотя мы отдаем себе отчет, что адресат в акте коммуникации может быть не реальным, а предполагаемым, для нас в первую очередь важна эмоциональная предназначенность текста.

0.1. Язык памятников такого типа, как древнеболгарский, в соответствии с их характером, предназначением, содержанием и формой, включает в свои функции момент воздействия на адресата. Поэтому выражение эмоциональной оценки, данной одним из участников общения, приобретало особое значение. В предполагаемом акте коммуникации отправитель и получатель

¹ См. особенно М. Grepl, *Modální a citová stránka výpovědi*. — Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich. Prace Komisji słowianoznawstwa. Nr. 23—25. 1969, p. 113—121; М. Grepl, *Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi*. Brno, 1967.

² Особенно обстоятельно лексические средства выражения эмоциональности в одном из современных языков рассмотрены в монографии J. Zima, *Expresivita slova v současné češtině*. — Rozpravy Československé akademie věd, seš. 16, roč. 71. Praha 1961.

четко разграничены: с одной стороны — проповедник, писатель, с другой — слушатель, читатель. Форма монолога обуславливала повышенное использование форм обращения и восклицаний, что усиливало напряжение коммуникативного акта. Неоднократное нарушение последовательности повествования включением лексических элементов, прямо адресованных получателю (слушателю или читателю) бесспорно связано с патетическим характером типичных жанров древнеболгарского и древнерусского языка. Нужно заметить, что в жанровом отношении (несмотря на отрывочный характер некоторых памятников) как древнеболгарский, так и древнерусский язык отличались значительным разнообразием: евангельские тексты, жития, поучения, псалтыри, молитвенники, философские сочинения, летописи и грамоты (в древнерусском).

1.1. В древнеболгарском и древнерусском языке для выражения коммуникативной предназначенности текста особенно предпочитаемыми были лексические средства и их комбинация — междометия и некоторые наречия, употребляемые в функции междометий. Они составляли определенную систему, активно используемую в языке.

Если попытаться охарактеризовать лексические актуализирующие элементы типа др.-р.:³ и *дьявол стѣня глаголаше: „Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! ... не змам уже царствовати въ странах сихъ“*. Псл. 81; *Братия! Увы, увы! Горе, горе! Пала вера Христова*. Епиф. 180; *Ох, душе моей тогда горко, и ныне не сладко!* Авв. 156; *О, пресвятая госпоже, владычице моя богородице! Почто презрела еси бедное мое моление*. Епиф. 182 и под., прежде всего можно отметить их изолированное положение в отношении остальных членов высказывания: лексические единицы не вступают с ними в синтаксические связи. Другой вопрос, что они могут сопровождаться некоторыми синтаксическими формами, обычно лексически крайне ограниченными, которые лишь усиливают экспрессивность эмоциональной частицы: отсюда характерные для др.-р. и др.-б. языка штампы типа *увы мне, горе мне, увы дней тех, горе дней тех, люте души их, ух ми* и т. д. Другой особенностью эмоциональных лексических элементов рассматриваемого типа, связанной с первой, является их отнесенность ко всему высказыванию. Выражение экспрессивности лексическими элементами, изученное на материале современных славянских языков,⁴ чаще всего осуществляется через характеристику действия, т. е. непосредственно относится к предикату высказывания, ср., напр.: *je možno opet kouřit, nebylo lze o tom mluvit, musím dnes odjet do Prahy* и т. д.

Наконец, в отличие от грамматических средств, лексические средства, выражающие эмоциональность, организованы в системы на основе маркированности каждого из них. Грамматические средства выражают маркированный эмоциональный признак через оппозицию по отношению к нейтральным, немаркированным формам.

³ Здесь и далее воспринимаем сокращения: др.-р. — древнерусский; др.-б. — древнеболгарский.

⁴ См., например, A. Bogusławski, *O tzw. modalności zdaniowej*. — Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich. Prace Komisji Słowiańszczyzny, Nr. 23, 1971, p. 123—128; J. Bauer, M. Grepl, *Skladba spisovně češtiny*. Praha 1968, p. 20—23.

1.2. В соответствии с семантическими характеристиками, выражаемыми лексическими элементами — междометиями, типами их актуализации и их ролью в акте коммуникации, целесообразно выделить три группы лексических актуализирующих элементов:

I. Лексические актуализирующие элементы, немаркированные на лексическом уровне, выражающие лишь эмоциональность, аффективность, высокую напряженность чувств. Семантически они дифференцируются в зависимости от контекста, выражая признаки ‚восхищение‘, ‚возмущение‘ или ‚скорбь‘. Состав лексических единиц этого типа в обоих языках идентичен: др.-б. О, О ВЕЛЕ, ОЛЕ; др.-р. о, о веле, оле. Ср. др.-б. материал: а) о чѣлювьствѣ хѣо К 7в29; о глѣбннѣ вогаѣства н прѣмѣдростн н вѣдн вожа С 301.6; о веле чоудеса днѣвна С 311.13; оле ликъ стѣ. оле снѣмъ сваштенъ. оле трѣтъ непобѣднмъ. Оле обштрн храннтеле рода чловѣчьскаго С 96.27; б) о безоумьѣ паче же о сьребролюбствѣ С 411.20; о веле нюдно безаконнѣ С 419.25; оле нечюувство жидовьско С 396;16; в) да что сѣтворнмъ оубо не вѣмъ о ока ‘нн С 108.13; о скр ‘вн о вѣдѣ. О плачь о колѣннѣ. О безаконьнымъ тѣломъ (вм. дѣломъ, отм. С. Северьянова) С 57.10. Др.-р. примеры: О, *далече заиде соколъ, птицъ бѣя, къ морю*. Срезн. 494; О, *чудо неизреченное христово и пречистыя богородицы!* Епиф. 184; *что придосте съ хромьцемъ симъ, о вы, плотници суще*. Пвл 96; о веле великое несъмьшление. о веле великое нещѣлимое оужесточение. Срезн. 233; оле господнне н тѣщеславное ищѣление. Усп. 412; *кѣто съ естѣ оле несъмьшление лѣжиитъ оучитель*. Усп. 388 и др.

Звательное О выявляет эмоциональность, реализующуюся в зависимости от контекста как проявление ‚восхищения‘, ‚возмущения‘ или ‚привязанности (благорасположения, любви)‘, напр.: а) о дѣбе влаженъ. югоже цѣсаре чѣтѣтъ. Властеле н велмѣжа любаѣ С 354.5; о нѣ/с/нѣн члѣче. Н земныи аггеле. Чѣсому бо са можемъ нномуу чюдѣтн, развѣ н тебе на земн *И Ежѣ* 40б14; б) о чнне бесчнннѣ. О законе безаконнѣ. Отъ днѣвола поущаемъ вѣсы пишѣмъ С 398.4; се естѣ крѣвь моѣ. О юдо ѡже прѣдалъ еси на бѣхъ. Сьребрыпѣхъ К 7в24; о безвожьѣ. Н всѣкого звѣрѣ тажнн. Доколн прѣвоидншн бѣжнѣ трѣпѣннѣ. Н протнвншн са богу С 49.22; в) о оче ѡвѣюио мн бѣ. ѡко нападѣннѣ нѣкою отъ разбонннкѣ пострадаѣв. Хоштешн съ стѣпа сѣлѣстн С 558.8; чѣсо радн оубо не можешн. О юснѣ С 247.3; станн оубо о чѣдо СЕ 89в19. Др.-р. примеры: О, *горе живущим на земле зане умножится нечестие в мире*. Авв. 203; *о всякого пронырства испѣлнени, еже вы своя душа предасте сотонѣ*. Усп. 177; О, *единородный мой! О, свете мой! О, сыне иакове! О, сияние славы моя!* Авв. 142.

II. Лексические актуализирующие элементы, выражающие уже на лексическом уровне определенные семантические признаки, характеризующие эмоциональное состояние отправителя. На основе этих семантических признаков лексические элементы включаются в системы эквиполентных и привативных оппозиций. Состав междометий этого типа в др.-б.: горе, о горе, оу горе, оувѣ, лютѣ и оува (оувѣва); в др.-р.: *горе, увы, луте, ува (уа), ох, у, ух*. Междометия *горе, увы* и *луте* объединены интегральным семантическим признаком ‚страдание, душевная боль‘. Дифференциальный признак, выражаемый междометием *увы* — ‚сожаление, сочувствие, сострадание‘; дифференциальный признак *луте* — ‚порицание‘. Междометие *горе* занимает в оппозиции немаркированную позицию, выражая

в зависимости от контекста ‚сожаление‘ или ‚порицание‘. Тем самым междометие *горе* входит в привативные отношения с междометиями *увы* и *люте*, которые между собой находятся в эквицентных отношениях, напр. в др.-б.: а) ‚сожаление‘ — оувѣ мьнѣ оувѣ мьнѣ. Повѣждень бѣхъ мжжн смнн свѣтымн. Н бѣхъ всѣмъ въ ржгѣ. Не нмѣ юднодоушень слоугъ *С* 78.27; оувѣ мьмьн-ѣ-ко прѣшельство мое оудали са *СП* 119.5; горе же непраздѣнѣмъ н доаштнѣмъ въ ты дѣнн *М*, 3, *А*, *СК*, *БП Мт* 24.19 и 3, *М Мк* 13.17 и 3, *М Лк* 21.23; ю горе мьнѣ оуаѣноуоумоу. Како възрѣ на небо *С* 523.25; б) ‚порицание‘ — лютѣ твоѣмоу невѣрствоу *Ш* 85 3; горе чѣоу томоу. Имѣже снѣ чскы прѣданѣ вѣдетъ 3, *М*, *А*, *СК Мт* 26.24; горе оскврѣнѣаштнѣмъ своѣ тѣло *С* 168.14.

В др.-р. при осуществлении той же оппозитивной связи междометия *ох*, *у*, *ух* являются дополнительными членами, выражающими ‚сожаление, сочувствие‘ (иногда они употребляются вместе с *горе*); междометие *у* — обычно сопровождает и эмоционально усиливает лексемы *люте* или *горе*. Напр.: а) ‚сожаление, сострадание‘ — *оувы мнѣ оувы мнѣ плачу зѣло по отци*. Усп. 51; *Увы, бедные никонияне! Погибаете от своего злаго ... нрава*. Авв. 168; *Ох, горе! Везде от дѣвола житья нет!* Авв. 145; *побѣнѣмы еще женоутъ охъ мнѣ* Усп. 54; *оу горе яко всего прѣиде того зѣлоба*. Усп. 437; *что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука*. Авв. 173; *Ухъ ми, яко тяжко спатъ*. Срезн. 1330; б) ‚порицание‘ — *Лютѣ бо граду тому, в немъ же князь оу*. Пвл. 95; *оу лютѣ мнѣ чѣто сѣтворихъ*. Усп. 487; *оу горе яко всего прѣиде того зѣлоба*. Усп. 437.

Междометие *ува* (*оува/оувѣва*) находится вне указанной системы. Оно выражает признаки ‚насмешка‘, ‚ироническое удивление‘, напр. др.-б.: оувѣва разарѣянъ прѣковѣ. I трѣмн дѣнѣмн сѣздаѣ ѡж. Спн себе 3, *М*, *А*, *СК Мт* 27.40 и *Мк* 15.29—30. Др.-р.: *оува, разорѣи црквѣ и трѣми дѣнѣми сѣздаѣ*. Срезн. 1122.

III. Лексические актуализирующие элементы, осуществляющие прямую коммуникативную связь между говорящим/пишущим и адресатом высказывания. Их особенностью является то, что они не вступают в оппозитивные связи с другими лексическими элементами. В др.-б. в этой функции зафиксирована частица ВОЛЕ не вопросительного характера, в др.-р. — *воле* и *ну*.⁵ Они выполняют роль побудительного или эмфатического элемента, напр.: *воле же оубо посрѣдѣ нхъ введѣша памѣть на обьштѣ пользѣ. Отъ нхъ прѣстоаштнѣхъ сѣстроимъ* *С* 83.3; *воле же глаголавѣшоу клеопѣ*. Глагола нма ѡс *С* 477.24; *дрознн же пакы въ подвигѣ вѣлѣзѣше*. Воле же не можште до коньчннѣ вользнн сѣтрѣпѣтн. Въ срѣдѣ страданнѣ отѣврѣгоша са *С* 85.21; *воле же чѣто сѣтворилъ тѣгда владѣика тѣ* *С* 86.22. В др.-р.: *Воле нына богатиѣ плачѣте; Воле чѣто кси добра сѣтворила; Воле ты како бы слѣнѣ*. Срезн. 290; *Ну буди воля божия!* Авв. 205; *Ну, чадо мое любимое Афанасие, внимай себе уом крепко*. Епиф. 1936.

⁵ Отмеченные А. И. Германовичем в языке XVII в. междометия *ай*, *ой*, заимствованные по его мнению в письменной речи из народного творчества, нами не зафиксированы. См. А. И. Германович. *Междометия русского языка*. Киев 1966, с. 112.

⁶ Здесь мы не рассматриваем частицы, стоящие в риторическом вопросе (ѣда, воле, дѣѣши, уже ли, не уже ли), основной функции которых является выражение вопросительности, но которые дополнительно выражают эмоциональные признаки (удивление перед чем-л. необычным, а также — несогласие с выраженным). Этот вопрос заслуживает специального изучения.

1.3. Вопрос о стилистическом распространении изучаемых лексических актуализирующих элементов, а также проблема исчезновения большинства из них из русского языка (*ува, люте, оле, веле, воле*) и из болгарского языка (ОУВА, ЛЮТЬ, ВЕЛЕ, ВОЛЕ) важны, но для получения точных данных по ним требуется специальное исследование. В древнеболгарском объеме памятников, различных жанров, не будучи одинаковым, препятствует точности наблюдения над их употребительностью. Тем не менее для установления каких-то общих тенденций полезны статистические данные их употребления. По распространительности рассмотренные лексические актуализирующие элементы располагаются в следующем порядке: О — все жанровые группы; ГОРЕ — слова, евангелия, жития, беседы, шестоднев; ОЛЕ — слова, молитвы, псалмы; ОУВЫ — жития и псалмы; О ВЕЛЕ — слова; ОУВА — евангелия; ЛЮТЬ — шестоднев; ВОЛЕ — слова. По употребительности рассматриваемых лексем жанровые группы памятников древнеболгарского языка располагаются следующим образом: слова — О, О ВЕЛЕ, ОЛЕ, ГОРЕ, ВОЛЕ; евангелия — О, ОУВА, ГОРЕ; жития — О, ОУВЫ, ГОРЕ; шестоднев — О, ГОРЕ, ЛЮТЬ; беседа — О, ОЛЕ, ГОРЕ; молитвы — О, ОЛЕ; псалмы — О, ОУВЫ. Наибольшее количество эмоциональных лексем установлено в словах (136) и в евангельских текстах (96); далее по частоте употребления следуют жития (40), шестоднев (17), беседа (14), молитвы (6), псалмы (5).

В отношении древнеболгарского языка можно утверждать, что во всех жанрах отправители обращались к лексическим эмоциональным единицам с целью поддержать внимание читателя или слушателя, чтобы выразить свое эмоциональное отношение к объекту рассказа, или речи. Что касается древнерусского языка, то в жанрах церковного богослужения использование лексических актуализирующих элементов ничем не отличалось от древнеболгарского языка. В памятниках иной стилистической характеристики (напр. в летописях) указанные лексические единицы употреблялись более ограниченно и, главное, в особых местах, где пересказывались события, связанные с житиями святых, ритуалами церковной службы и т. д. Это подтверждает мысль относительно заимствованного характера большинства лексем рассмотренного типа в древнерусском языке.

2.0. Подчеркивая в заключение коммуникативную функцию описанных лексических актуализирующих элементов, нужно признать ограниченность наших знаний об этом предмете в древнеболгарском и древнерусском языке вообще. По существу мы получили сведения о функционировании лексических актуализаторов только в пределах одной сравнительно узкой области языковой коммуникации: идеология этого времени определяла интерес книжников почти исключительно к истории церкви, к судьбе ее святых, служителей, защитников и врагов. Это обуславливало тематическую ограниченность памятников, их относительную однотипность, а также выбор языковых средств. Тем не менее даже этот ограниченный материал дает представление о существовании уже в то время ярких средств выражения эмоциональности, исполняющих важную функцию в процессе общения, которая тем более была присуща коммуникативному акту с активным участием обоих его членов в более свободной, независимой от условий обстановке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табл. 1. Количественная характеристика семантических возможностей лексических элементов в древнеболгарском языке

Междометие ↓	Семантика ↑	Росхищение	Возмущение	Призывность	Скорь	Сожаление	Порипание	Насмешка	Эмфазис	Побуждение	Сумма
О зв.		29	45	51	—	—	—	—	—	—	125
О воскл.		25	22	—	9	—	—	—	—	—	56
О ВЕЛЕ		6	9	—	—	—	—	—	—	—	15
ОЛЕ		11	3	—	—	—	—	—	—	—	14
ОУВЫ		—	—	—	—	3	—	—	—	—	3
ГОРЕ		—	—	—	—	15	73	—	—	—	88
ЛЮТЬ		—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
ОУВА		—	—	—	—	—	—	8	—	—	8
ВОЛЕ		—	—	—	—	—	—	—	3	1	4
Сумма		71	79	51	9	18	74	8	3	1	314

Табл. 2. Жанровая характеристика лексических элементов со статистическими показателями в древнеболгарском языке

Междометие ↓	Жанр ↑	Слово	Молитва	Псалм	Евангелие	Житие	Беседа	Шестоднев	Сумма
О зв.		70	4	4	19	19	6	3	125
О воскл.		33	—	—	—	14	—	9	56
О ВЕЛЕ		15	—	—	—	—	—	—	15
ОЛЕ		10	2	—	—	—	2	—	14
ОУВЫ		—	—	1	—	2	—	—	3
ГОРЕ		4	—	—	69	5	6	4	88
ЛЮТЬ		—	—	—	—	—	—	1	1
ОУВА		—	—	—	8	—	—	—	8
ВОЛЕ		4	—	—	—	—	—	—	4
Сумма		136	6	5	96	40	14	17	314

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДРЕВНЕБОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- A* — J. Kurz, *Evangeliiŭr Assemanŭv. Dŭl II. Praha, 1955.*
БП — Ив. Добрев, *Глаголическият текст на Боянския палимпсест, старобългарски паметник от края на XI век. София, 1972.*
З — V. Jagić, *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Graz 1954.*

- ЗП — Ив. Добрев, *Палимпсестовите части на Зографското евангелие*. — Сб. Константин-Кирил Философ. София, 1971, с. 157—164.
- ЙЕжа — Д. Иванова-Мирчева, *Йоан Екзарх Български Слова*. I том, София, 1971
- К — A. Dostál, *Clozianus*. Praha, 1959.
- КПр — К. Куев, *Азбучната молитва в славянските литератури*. София, 1974.
- М — И. В. Ягич, *Марианское четвероевангелие*. Берлин и Санктпетербург, 1883.
- О — Г. Ильинский, *Охридские глаголические листки*. Отрывок древне-церковно-славянского евангелия XI века. — Памятники старославянского языка, том III, вып. 2. Петроград, 1915.
- ПК — М. Г. Попруженко, *Козма Пресвитер, болгарский пицатель X века*. — Български старини, кн. XII. София, 1936.
- Р — Ив. Гошев, *Рилски глаголически листове*. София, 1956.
- С — С. Северьянов, *Супрасльская рукопись*. — Памятники старославянского языка, том II, вып. 1. Санктпетербург, 1904.
- СЕ — R. Nahtigal, *Euchologium Sinaiticum*. II. del. Ljubljana, 1942.
- СК — В. Шепкив, *Саввина книга*. — Памятники старославянского языка, том I, вып. 2. Санктпетербург, 1903.
- СП — С. Северьянов, *Синайская псалтырь, глаголический памятник XI века*. Петроград, 1922.
- Ш — R. Aitzetmüller, *Das Hexameron des Exarchen Johannes*. I—VI Tom. Graz, 1958—1971.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Авв. — *Жизнеописание Аввакума*. В кн.: А. Н. Робинсон. *Жизнеописания Аввакума и Епифания*. М., 1963.
- Епиф. — *Жизнеописание Епифания*. В кн.: А. Н. Робинсон. *Жизнеописания Аввакума и Епифания*. М., 1963.
- Пвл — *Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г.* Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.
- Срезн. — И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. I—III, Спб., 1893—1903.
- Усп. — *Успенский сборник XII—XIII вв.* Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

